

Валерий Панюшкин

КОД КОШЕЯ

Русские сказки
глазами юриста

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Москва
2012

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 398.1
ББК 82.3(2Рос=Рус)+87.7
П116

Панюшкин В.

П116 Код Кощея: Русские сказки глазами юриста / Валерий Панюшкин. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 132 с.

ISBN 978-5-9614-1786-9

Сказки — отражение народного подсознания. Известный журналист и литератор Валерий Панюшкин при содействии юристов «Пепеляев Групп» ищет корни российской правовой системы в сказках и обнаруживает много интересного: в справедливость никто не верит, прав старший и сильный, старое добро быстро забывается, ребенок — не полноправный человек, самое абсурдное чистосердечное признание засчитывается как доказательство вины, логика обвинения хромает, принципы экстрадиции каждый раз пишутся заново, правила наследования запутаны до невозможности — словом, очень напоминает нашу нынешнюю действительность. А пошло-то все, оказывается, еще от Кощея Бессмертного да Василисы Прекрасной.

Книга обязательна к прочтению всем людям с неординарным мышлением, способным видеть неожиданное в привычном, а также всем, кто хочет разобраться, как работает мозг русского человека.

УДК 398.1
ББК 82.3(2Рос=Рус)+87.7

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-9614-1786-9 © Панюшкин В.В., 2011
© ООО «Альпина Паблишер», 2012

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

Предисловие	5
От автора	7
А судьи кто, или Старая хлеб-соль забывается	9
Се человек, или Идентификация Царевны-лягушки	15
Размер морального вреда, или Гусочка за уточку	21
Право стрелы, или Сказка о Царевне-лягушке	27
Вкус меда, или Свидетельство против себя	33
Доказательства в суде, или Орел и Ворона	39
Правила экстрадиции, или Сестра Солнца	45
Полезная девушка, или Морозко-аудитор	51
Приговор-ловушка, или Сказка о Сером Лебеде	57

Источник права, или Подарок с того света	63
Обратная сила справедливости, или Сколько стоит икона	69
Сложение наказаний, или Леший Мужик, Богатырь Никанор	75
Правила наследования, или Сказка о трех царствах	81
Размеры вознаграждения, или Дырявый трух Фролки Сидня	87
Пенитенциарная система, или Буря-богатырь коровий сын	93
Сонный прецедент, или Закон о серебряном коне	99
Буква закона, или Последствия проповеди	105
Право разбойников, или Удачливый вор Каспирка	111
Правды – нет, или Беспечальный монастырь	117
Механизм милости, или Волшебная птица	123
Научные комментарии	128

Предисловие

Сказка — ложь, да в ней...

А.С. Пушкин

Дорогие друзья!

В привычных вещах, ежедневно окружающих каждого человека, можно обнаружить новые качества, стоит только взглянуть на них под другим углом.

Сложные правовые задачи, над решением которых ежедневно трудятся юристы нашей компании, требуют от них не только досконального знания всех нюансов российского права, но и глубокого понимания экономических и общественных процессов. Особую роль для успешного исхода дела или заключения сделки имеет порой интуитивное понимание глубинных мотивов поведения всех участников процесса.

Наши далекие предки занимались земледелием и охотой, накапливая опыт выживания в различных климатических условиях — «от южных гор до северных морей», пядь за пядью осваивали новые территории, беспокоя соседей и терпя

лишения сами. В глубокой древности сформировались первые, сначала неписанные, правила, передаваемые из уст в уста, из поколения в поколение в виде былин, преданий, сказок и при сказок. Это те самые архетипичные нормы права (принципы, руководящие идеи), которые впитываются человеком в раннем возрасте и становятся фундаментальными основами поведения в любой жизненной ситуации, даже если они идут вразрез с установленными в современном обществе нормами, в том числе законодательными.

Русские народные сказки — это драгоценные шкатулки с ключами, открывающими тайный ход в удивительный мир зеркал, где сложнее казусы современной российской юридической практики похожи на древнейшие сюжеты, а простые правовые ситуации могут показаться неразрешимыми, где сказочные персонажи так похожи на нас, а мы — на них.

Мы предлагаем вашему вниманию необычный взгляд на знакомые с детства произведения. Это бережная попытка прикоснуться к корням знаменитого дуба «у Лукоморья» и разгадать «загадочную душу» российской правовой системы.

Приглашаем вас в мир, где все происходит по законам сказки. Русской сказки.

Приятного вам путешествия!

С уважением,

Сергей Пепеляев,

*управляющий партнер юридической компании
«Пепеляев Групп», к.ю.н.*

От автора

Идея книжки «Код Кощея» была придумана не мной, точно так же, как не мной была придумана идея первой моей книжки про сказки – «Код Горыныча». Рассмотреть в «Коде Горыныча» особенности русского бизнеса, опираясь на русские сказки, предложил мне банкир Михаил Фридман. Изучить здесь, в «Коде Кощея», особенности правосознания русского человека, опираясь на русские сказки, предложили мне сотрудники компании «Пепеляев Групп». Разумеется, книжка не претендует на научность. Разумеется, не претендует и на полноту. Я буду вполне доволен, если, читая эту книжку о русских сказках и представлениях нашего народа о праве и несправедливости, читатель развлечется.

А СУДЬИ КТО,

или Старая хлеб-соль
забывается

В русских народных сказках многим персонажам частенько требуется, чтобы кто-нибудь их рассудил. Мужикам, бабам, купцам, медведям, лошадям, собакам в разных обстоятельствах нужен справедливый суд. Однако сказочные персонажи весьма экзотическим образом подыскивают себе судей и очень экстравагантно благодарят за судебное разбирательство.

В сказке «Старая хлеб-соль забывается» Мужик, работающий на гумне, по доброте душевной спасает от смерти Бирюка (то бишь матерого волка). За Волком гонятся охотники, Мужик прячет Волка в мешок, подобный другим мешкам со свежемолоченной пшеницей, а когда охотники, не найдя Волка, уходят, развязывает мешок, выпускает Бирюка, и...

— Я тебя съем, — говорит Волк Мужiku вместо благодарности.

Разумеется, Мужик несколько шокирован таким поворотом дела. То есть он понимает, что Волку свойственно бывает напасть на одинокого человека и сожрать его. Но в данном случае Мужiku кажется, что Волк должен испытывать благодарность за спасение от неминуемой смерти. Так нет же.

— Старая хлеб-соль забывается, — утверждает Волк в том смысле, что, если голоден, сожрать можно кого угодно, хоть родную мать.

Благодарности не существует. Моральные обязательства не имеют значения. За добро можно платить злом, если тебе так удобно. С этакой постановкой вопроса Мужик согласиться не может, и тогда человек и животное обращаются к третьей инстанции. Они решают, что если трое первых встречных скажут, что старая хлеб-соль забывается, то Волк может с чистой совестью съесть своего спасителя. А если случайные судьи скажут, что благодарность существует на свете, то Бирюк пойдет себе несолоно хлебавши в лес.

Но кто же судьи? Дело происходит в будний день. Нетрудно предугадать, что благополучные и разумные люди вряд ли встретятся эдак вот прямо на дороге нашим спорщикам, они заняты делом: крестьяне — в поле, купцы — в лавках. По дорогам шляются заведомо деклассированные элементы, люмпены какие-нибудь и нищерброды.

Так оно и есть. Первым делом тяжущиеся Мужик и Волк встречают старую ломовую Лошадь.

Всю жизнь Лошадь трудилась в поте морды, а когда состарилась и ослабела, хозяин просто выгнал ее, и надо еще сказать спасибо, что не пустил на колбасу. Разумеется, Лошадь говорит, что старая хлеб-соль забывается, благодарности не существует и никаких моральных обязательств не следует брать на себя в этом несправедливом мире. 1:0 в пользу Бирюка.

Спустя некоторое время Мужик и Волк встречаются на дороге старую Собаку. Всю свою жизнь Собака охраняла хозяйское добро, лаяла до хрипоты, а когда состарилась, хозяин просто выгнал ее, и хорошо еще, что не пустил на стельки. Разумеется, и Собака тоже говорит, что старая хлеб-соль забывается. Глупо было бы ожидать от старой бездомной Собаки оптимизма и веры в людей. 2:0 в пользу Бирюка.

Наконец, Мужик и Волк встречаются на дороге Лису. Рыжую бестию, конечно, нельзя считать добропорядочной гражданкой, способной вершить справедливый суд, но она по крайней мере не так беспросветно разочарована во всем на свете, как бездомные Лошадь и Собака.

У Мужика появляется надежда. Лиса принимается всерьез исследовать в этом импровизированном судебном процессе обстоятельства дела. Лиса спрашивает, где, когда и почему Волк и Мужик поспорили о том, существует ли на земле благодарность и забывается ли старая хлеб-соль.

Для наглядности (или, как бы мы сейчас сказали, в рамках следственного эксперимента) все

трое возвращаются на то самое место, где Мужик прятал Волка от охотников в мешке.

— Как же ты залезал в мешок? — спрашивает Лиса Бирюка.

И Волк залезает в мешок, чтобы показать, как именно было дело.

— А ты как же молотил? — спрашивает Лиса Мужика, как только Волк скрывается в мешке и мешок над его головой завязан.

Как и требует того судебное разбирательство, обстоятельства дела восстановлены. События возвращены в ту стадию, когда благодарность имеет значение: Волк в мешке, Мужик волен подарить ему жизнь или отнять ее. Еще мгновение — и справедливость восторжествует.

Осознав, какой шанс ему выпал, Мужик берет за цеп и молотит что есть силы по мешку, в котором увязан Волк, до тех пор, пока Волк в мешке перестает проявлять признаки жизни.

Лиса, надо полагать, стоит рядом, наблюдает за экзекуцией и ждет вознаграждения за столь успешно проведенное разбирательство и столь хитроумно восстановленную справедливость. И ждать расплаты недолго: в очередной раз взмахнув цепом, Мужик обрушивает его на голову Лисы, спасшей его точно так же, как и он давеча спас Бирюка.

— Старая хлеб-соль забывается, — приговаривает Мужик, разбивая череп своей спасительнице.

Зачем он это делает? Ему нравится жить в мире, где благодарности не существует? Ему комфортно на земле, где никто не обременен мораль-

А судьи кто

ными обязательствами? Он всерьез полагает, что больше никогда в жизни ему не понадобятся услуги столь опытного юриста, каковым была Лиса? Зачем он ее убивает?

Нет ответа. Разве что самый тот факт, что ты до сих пор жив в мире, где старая хлеб-соль забывается, некоторым извращенным образом повышает Мужика самооценку.

Все человек,

или Идентификация Царевны-лягушки

хрестоматийно известной русской сказке про Царевну-лягушку Иван-царевич женится на лягушке. Ну да, что тут такого? Гражданский кодекс русской народной сказки, если бы таковой существовал, не знал бы матримониальных запретов. Цари в русских сказках женятся на крестьянках, лисы выходят замуж за котов, почему бы не жениться и на лягушке?

Вы скажете, это дело политическое? Царевич претендует на престол? Треть царства рискует оказаться под управлением рептилии? Но дело в том, что и политическая система русской сказки, если бы таковая была формализована, вовсе не предполагала бы, что государством обязательно должен управлять человек. Кощей Бессмертный, например, вот уж на что великий царь, однако же мало кому придет в голову считать

Кощея человеком. А Морозко, управляющий подземным царством, разве он человек? Эти двое хотя бы антропоморфные, но нельзя не признать, например, что стрекозы, в одной из русских сказок управляющие Царством Небесным, — насекомые. А Змей Горыныч, время от времени оказывающийся во главе какого-нибудь причудливого государства, так тот и вовсе змей, причем рожденный, как следует из его отчества, не другим змеем, а горою, так что не поймешь — то ли пресмыкающееся, то ли минерал.

Одним словом, придется признать: в политическом смысле для царевича, женящегося на лягушке, никаких препятствий нет.

Можно было бы побеспокоиться слегка о физиологической стороне вопроса, о том, как царевич и лягушка станут продолжать род и как вообще оплодотворить человеку лягушачью икру. Однако же и это не беда: русские сказки знают и не такие извращения.

И вообще, вопрос о том, является ли жена Ивана-царевича, кроме того что лягушкой, еще и человеком, втемяшивается только в дурные башки жен царевичевых братьев. В сущности, выяснять, является ли лягушка еще и человеком, — это бабья блажь. Серьезному государственному мужу, каковым является царь, не приходит в голову подобная глупость. Царь предпочитает существовать в юридическом поле: для него если жена царевича, значит, царевна. Эксперименты, направленные на установление биологического вида снохи, царь затевает исключительно ради

того, чтобы две другие снохи перестали скандалить, то есть из великодушия.

Но тут-то царь и сталкивается с серьезными правовыми проблемами. Разумеется, у царя абсолютная власть. Разумеется, царевич во всем подчиняется царю беспрекословно. Разумеется, царь может убить царевича, если надо. Но войти к царевичу в спальню царь не может. Более того, сам царевич не слишком-то вольготно чувствует себя в светелке жены.

По другим русским сказкам мы знаем, какие неразрешимые проблемы порой встают перед мужчиной, если, например, две женщины одновременно объявляют себя законными его женами. Ради того, чтобы выяснить, которая из жен настоящая, чего только мужчины ни делают: и загадывают женам загадки, и заставляют залезать на забор, кто быстрее, и стреляют в жен из лука в надежде на то, что самозванка погибнет, а настоящая жена выживет...

Но никогда мужчина не отваживается раздеть женщину и рассмотреть ее хорошенько. И это притом, что нагота в русской сказке не запрещена. В «Мудрой деве» героиня является к царю в чем мать родила. То есть запрет распространяется не на наготу как таковую, а на самое таинство женского переодевания. Вот и в сказке про Царевну-лягушку Иван-царевич тайно проникает к жене в гардеробную, чтобы сжечь лягушачью кожу. Жил с женой душа в душу, но ни разу не видел, стало быть, как переодевается жена из лягушачьей кожи в женское платье.

Итак: раздеть женщину и подвергнуть обследованию нельзя. Нельзя ни мужу, ни свекру, даже если он царь. Чтобы определить, человек ли она, приходится ориентироваться по косвенным признакам. Царь, как все, конечно же, помнят, велит Царевне-лягушке соткать ковер, приготовить еду и станцевать¹. Со всеми тремя заданиями Царевна-лягушка справляется блестяще, после чего царь оставляет женщину в покое. И даже у взбалмошных жен старших его сыновей не остается поводов, чтобы сомневаться в том, что лягушка — это человек.

Можно было бы утверждать иронически, что с точки зрения русской сказки человек — это существо, умеющее ткать, готовить еду и танцевать. Впрочем, ирония не очень уместна. Не такое уж глупое это определение. К тому же оно многое объясняет. Например, становится понятно, почему с такой легкостью герои русских сказок убивают детей, включая своих собственных. Почему, например, любящий отец по приказу мачехи отвозит любимую дочку замерзать в лесу, где хозяйничает Морозко. Становится понятно, почему другой любящий отец беспрекословно отводит Крошечку-хаврошечку жить в холодном хлеву в одном стойле с коровой. Потому что дети — не люди с точки зрения русской сказки: они не умеют ткать, готовить еду и танцевать. Дети становятся людьми, как только научаются всему этому.

Другое дело, что в мире русской сказки быть человеком — не так важно, как в нашем совре-

менном мире. Для существа, управляющего государством, важно уметь стрелять из лука, держаться в седле, судить справедливо и желательно колдовать. А уж мужчина он или женщина, человек, змей или вовсе медведь — значения не имеет.

Что же касается жены, то правда ведь важно, чтобы ткала искусно, готовила хорошо и красиво танцевала. А человек она при этом или лягушка — все равно.

Размер морального вреда,

или Гусочка за уточку

сть в русской сказке важный троп, как говорил профессор Пропп²...

Иными словами, есть такая стандартная история, кочующая из сказки в сказку: Лиса просится на ночлег. Как правило, Лиса украла курицу. Как правило, за Лисой кто-нибудь гонится. Зверушка стучится в двери первой попавшейся избы и просит, чтобы ее пустили переночевать. Хозяин избы, как правило, отвечает, что в доме и так тесно, а Лиса обещает сама лечь на лавку, курочку положить под лавку, то есть занять совсем мало полезной площади. Ну и разумеется, хозяин Лису пускает.

Ночью Лиса сжирает свою курочку до последнего перышка, а утром устраивает скандал: я, дескать, была с курицей, курица, дескать, пропала, так что давайте мне теперь вместо курицы гуся.

Тут есть два интересных наблюдения.

Во-первых, пропажа курицы, даже, как мы знаем, мнимая, совершенно освобождает Лису от платы за постой. Лиса даже спасибо не должна теперь говорить за то, что ее приютили, а может, ничтоже сумняшеся, скандалить.

Во-вторых, гусь больше курицы. Отдать гуся взамен пропавшей курицы – это архаический способ возмещения морального вреда. Если в теперешнем суде долго рассчитывали бы, на какую именно сумму пострадала Лиса, то русская сказка решает эту проблему просто.

Домашняя живность как бы ранжирована. У домашней живности в русской сказке есть классы, подобные классам современных автомобилей. Куры, гуси и утки, мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот, лошади. Персонажу русской сказки кажется логичным за пропавшую курицу отдать гуся, за пропавшего гуся – барашка, а за пропавшего барашка – теленка.

Нам это кажется диким, но если бы мы рассуждали как персонажи русских сказок, то, став виновниками дорожно-транспортного происшествия, например, должны были бы взамен разбитого по нашей вине «гольфа» купить его владельцу «пассат», а взамен «пассата» – «ауди А6», а взамен «ауди А6» – «ягуар».

Следуя этой логике, хитроумная Лиса выстраивает на возмещении морального ущерба целый бизнес, целую цепочку обогащений.

Лиса получает гуся взамен курицы, идет в соседнюю деревню и просится там на ночлег с гусем. Ночью сжирает гуся, а наутро требует барашка в качестве возмещения ущерба, материального и морального.

Идет с барашком в следующую деревню, просится на ночлег, ночью съедает барашка и требует взамен теленка. Теоретически этак и до лошади можно было бы дойти. Но теленок в русской сказке, в отличие от курицы, гуся и барашка, сакрален. Теленок — не просто скот, как и у нас «мустанг» какого-нибудь антикварного года — не просто машина.

Столкнувшись с требованием отдать теленка, хозяин прерывает лисью цепочку обогащений. Вместо теленка он выносит собаку в мешке. По размерам собака и теленок схожи, так что сделка представляется Лисе состоявшейся. Она взваливает мешок на плечи и, довольная, уходит.

Но это сбой системы. Это как если бы в ответ на требование отдать «ауди А6» вы отдали бы истцу болид «Формулы-1». По размеру-то они, может, примерно одинаковые, но по цене-то болид даже и дороже. Но вы бы отдавали его, надеясь, что вымогатель сядет за руль и разобьется на первом же повороте.

Что и случается с Лисой. Отойдя немного от деревни, Лиса развязывает мешок, собака броса-

ется за Лисой в погоню, Лиса прячется под корягу, собака тщится достать беглянку...

И тут-то мы понимаем, как устроен в русской сказке обман и почему Лисе не стыдно хитрить с целью обогащения, а хозяину не стыдно хитрить, когда ему жалко теленка.

Лежа под корягой, Лиса учиняет допрос органам своего тела на тот предмет, который из органов чем именно был занят ради спасения Лисы от собаки. Лисьи глаза говорят, что они смотрели, куда бежать. Лапы говорят, что они бежали так быстро, как только могли. Уши говорят, что они слушали, близко ли собака. И только хвост говорит, что он цеплялся за кусты и ветки и вообще всячески мешал побегу.

Вот как устроен обман. Персонаж русской сказки словно и целостен, и дискретен одновременно. Части тела у сказочного персонажа одновременно как бы и составляют единое тело, но как бы и существуют сами по себе. Вот почему не стыдно обманывать. В начале осуществляемой Лисой мошеннической схемы курицу съедает лисий желудок. А на следующий день гуся требуют оскорбленные лисий мозг и язык. И получают гуся лисьи лапы, вроде бы никакого отношения не имеющие к ночному пожиранию курицы.

И хозяину избы, положившему в мешок собаку вместо теленка, хитрость помогает осуществить такая как бы разрозненность его органов. Умом-то он понимает, что должен отдать теленка взамен пропавшего барашка. Но глаза его как будто не видят, и он сажает в мешок собаку, не испыты-

вая никаких угрызений совести, ибо это ведь глаза его виноваты в подлоге, а остальные органы — ни при чем.

Всерьез руководствуясь этакой странной логикой, Лиса решает наказать собственный хвост за саботаж побега и отдать собаке. Лиса высовывает хвост из-под коряги, собака хватается его зубами, вытягивает наружу всю Лису и разрывает ее на части.

Можно было бы подумать, будто этот последний эпизод разрушает мою теорию разрозненности органов сказочных персонажей, но ничуть не бывало. Справедливо и то и другое. Сказочные персонажи представляют собой одновременно и единое целое, и набор самостоятельных органов. Подобно деревенской общине, которая одновременно и сообщество индивидов, и единый организм. По этой логике осудить за мошенничество, например, можно как самого мошенника, так и общину, членом которой он является.

Русская сказка не знает определенных границ личности. Она только ищет эти границы.

Право стрелы,

или Сказка
о Царевне-лягушке

В знаменитой сказке о Царевне-лягушке государь делегирует свою власть стреле. Не предоставляет сыновьям право устраивать свои судьбы самостоятельно... Не выбирает сыновьям жен своею монаршей волей... А велит каждому сыну запустить по стреле и непременно жениться на девушке, живущей там, куда упадет стрела.

Приблизительно даже понятно, почему царь это делает. Брачные отношения — если нету нужды, пережив детей, решить какую-нибудь территориальную проблему — лучше доверять, конечно, высшим силам. Довольно часто в русских сказках цари отправляют сыновей в путешествия за женами, то есть полагаются при выборе снохи на волю морского ветра или прихоть речных волн. Стрела — это то же, что ветер. Это символ

воинской удачи или, если хотите, судьбы. Это как если бы теперь владелец нефтяной компании отправил бы сына с геологической экспедицией искать новые месторождения нефти и повелел бы непременно жениться на девушке, живущей там, где найдется нефть. Не потому что девушки, живущие на нефтяных полях, как-то особо прекрасны. А потому что следует доверять своей удаче, и если стрелы не подводили тебя в бою, то не подведут и при выборе невесты.

Власть царя абсолютна. Даже такую малость, как право выбрать жену, царь не может или не хочет делегировать царевичам. Но вот стреле, ветру, волнам, подземному огню можно доверить не только сватовство, но и дела поважнее. На этом основаны гадания, описанием которых изобилуют фольклор и летописи всех народов мира, умевших их составлять.

Три царевича, безусловно, с отцом соглашались. Никто не говорит: «Что вы, папенька?! А вдруг стрела упадет в болото?!» Своим согласием царевичи легитимируют царский указ настолько, что даже сам царь теперь не может его отменить.

У старшего сына стрела падает на двор к дворянской дочери, и это приемлемый брак. У среднего сына стрела падает на двор к дочери купеческой, брак получается, прямо скажем, морганатический, но никаких возражений не высказывает царевич: женится — да и все. У младшего сына ситуация совсем абсурдна. Его стрела падает в болото к лягушке.

Казалось бы, куда как просто было бы царю взять да и отменить свое решение, увидев младшего сына с лягушкой в руках. Но нет, это невозможно. И дело даже не в том, что царь не может признать ошибки. Дело не в том, что, отменив брак младшего сына, царь поставил бы под сомнение и семейное благополучие старших сыновей. Дело в том, что, однажды назначив стрелу вершительницей судеб, царь доверяет теперь стреле больше, чем себе. Это точно так же, как мореплаватель, ступив на борт утлого суденышка, вынужден доверять волнам и ветру больше, нежели немощи своих рук.

Это абсурдно? Да! Нельзя жениться на лягушке? Нельзя. Нельзя иметь от лягушки потомство? Нельзя, разумеется. Но царь исходит из того, что стреле виднее. Знаки судьбы выше человеческого разума, какими бы абсурдными они, эти знаки, ни казались.

В современных судах дела рассматриваются судьей на основании закона. Но судья может быть пристрастен или глуп. И в некоторые эпохи количество судебных ошибок становится прямо-таки ужасающим. В современных судах решения принимаются коллегией присяжных на основании убеждения, но присяжные могут быть пристрастны или глупы, даже и коллективно. Они во власти предрассудков, их взгляды на жизнь продиктованы суеверием и невежеством.

А стрела беспристрастна. Она беспристрастна, как всякий жребий. Стрелу нельзя подкупить,

нельзя обмануть, нельзя запугать, нельзя сбить с толку. Как и всякий жребий, стрела отмеряет людям ровно пополам счастья и несчастья, славы и бесчестия, богатства и бедности, жизни и смерти. Если бы судебные решения выносились по жребию, то уж, во всяком случае, количество судебных ошибок никогда не переваливало бы за половину. И мы помним эпохи, для которых это был бы весьма неплохой показатель.

В деле Ивана-царевича стрела ведь в итоге права. В конце концов выясняется, что на лягушке жениться можно. Лягушка оказывается заколдованной царевной, лучшей женой, лучшей даже, чем дворянская дочь, доставшаяся старшему брату.

Разумеется, никакое в мире законодательство не способно предусмотреть существование заколдованных царевен. Это обстоятельство не слишком-то беспокоит современных правоведов и простых обывателей. Не беспокоит на том основании, что мы всерьез полагаем, будто заколдованных царевен не существует. Однако же про теорию относительности Эйнштейна или про постоянную Планка мы знаем — они существуют. Но ни одно законодательство мира не учитывает теорию Эйнштейна. В земельном споре при определении размеров спорного участка никто не станет выяснять в суде, с какой скоростью участок летит, тогда как, согласно Эйнштейну, от скорости зависит размер. Законы Эйнштейна понадобятся нам не раньше, чем мы отправимся путешествовать на межпланетных кораблях,